

Для семей среднего класса покупка места захоронения для умершего члена семьи была довольно значительной статьей расходов. За последние десять лет или около того, индустрия недвижимости в городе Донгъе развивалась очень быстро — и похоронная индустрия не отставала. Когда люди были живы, они упорно трудились и боролись за места, где они могли бы временно жить. И когда эти люди умирали, особенно если они умирали внезапно, у них не обязательно было место, где их можно было бы немедленно похоронить.

Похоронный дом Сиюэ не был лучшим похоронным бюро в городе Донгъе, но он был одним из самых популярных. Потому что в городе не было другого похоронного дома, который бы лучше справлялся с сохранением праха усопшего.

Обычно похоронные бюро взимали плату за хранение праха кремированных тел. Те, кто еще не успел купить участок на кладбище для своих умерших близких или у кого не было достаточно денег на покупку участка в тот момент, часто оставляли прах на хранение в похоронном бюро.

По мере изменения экономики и деловой политики, все виды бизнеса могли оказаться в затруднительном положении — только похоронная индустрия никогда не рухнет. Так много людей умирало в городе каждый день. Пока в городе были люди, похоронные бюро продолжали процветать.

Поскольку другие похоронные дома в городе не располагались в очень хороших местах, они не могли построить большие «мемориальные залы» для пепла, хранящегося у них. Поэтому у большинства из них было правило, что они хранили пепел только до шести месяцев. В течение этого времени клиенты должны были забрать свой пепел, или похоронное бюро избавлялось от останков.

Похоронный дом Сиюэ был другим. Хотя он и находился в отдаленном районе, он оказался прямо рядом с горой. Им нужно было всего лишь обустроить небольшой участок горы для хранения бесчисленных урн, и они смогли предложить своим клиентам гораздо более длительное время хранения — год или два не были бы для них проблемой.

Многие люди, которые не могли позволить себе купить участок земли, где могли бы быть похоронены их близкие, отправляли своих усопших на кремацию в Сиюэ. Чем дольше они могли хранить там свой прах, тем лучше. Если бы они могли оставить его там на два года, они бы так или иначе накопили достаточно денег на участок на кладбище.

Однако было также много людей, которые в конечном итоге отказались от идеи вернуть прах своих близких. Казалось, что иногда, спустя два года, чувства привязанности к усопшему также проходили. Живые больше не были готовы тратить деньги, заработанные кровью, слезами и потом, только на то, чтобы пышно похоронить комок бессмысленного пепла.

Куда же потом девался этот забытый прах? Оставившие его родственники не хотят спрашивать.

Сегодня Мэн Шань во второй раз посетила Сиюэ, и на этот раз похоронное бюро было

заполнено больше, чем во время ее первого визита. Зал, где люди могли зарегистрироваться на кремацию и забрать прах, был настолько переполнен, что если бы кто-то случайно забрел туда, он бы не понял, что это похоронное бюро, — скорее всего, принял бы его за больницу третьего уровня.

Мэн Шань взяла катафалк в похоронное бюро в два часа ночи. Прождав полчаса, она наконец смогла купить самую дешевую урну.

Пять лет назад, примерно в то же время дня, она и ее отец купили самую дешевую урну для ее матери, которая умерла от болезни. А сейчас и тело отца бросают в помещение для подготовки к кремации.

Мэн Шань опустила голову и посмотрела на простую урну в своих руках. Она рассмеялась над собой и сказала:

— Я достаточно хорошо к вам отношусь, не так ли? Даже после смерти вы все еще можете спать в «ложе для пары».

Из административного зала в крематорий вел короткий коридор. Люди, у которых было больше денег, шли по этому коридору, разбрасывая жертвенные бумажные деньги. Когда кто-то шел по этому коридору, к нему неизбежно прилипали куски бумаги.

Они все оплакивали погибших, поэтому никто не заботился об этих мелочах. Но Мэн Шань внезапно почувствовал страх.

Она вытащила застрявший в волосах листок бумажных денег, яростно скомкала его в руке и бросила на землю.

Было ранее утро, и до рассвета было еще долго. Зимние ночи были ветренными, а похоронное бюро находилось недалеко от горы. Ветер, дувший с горы, всегда был холодным и мрачным, как будто он нес призраков и привидений.

Мэн Шань подумала о своей матери, а затем о ее прахе, который был развеян в неизвестном месте.

Когда ее мать кремировали, Мэн Шань заплатила за шесть месяцев хранения, думая, что шести месяцев будет вполне достаточно, чтобы купить могилу для матери. Но деньги, которые она так упорно копила, в конечном итоге забрал ее отец, чтобы купить выпивку и поиграть в карты. Мэн Шань все потеряла.

Она плакала и ругалась на отца, который не сказал ни слова в свою защиту — он только опустил голову и признал, что был неправ. Но что хорошего в признании своей вины? Деньги, которые были потеряны, никогда не вернуться.

Другого выбора не было. Мэн Шань пришлось продлить срок хранения праха матери.

Но за все оставшееся время, пока хранился этот прах, ни она, ни ее отец не захотели тратить деньги на то, чтобы должным образом похоронить мать.

Живые так боролись, чтобы просто жить. Почему они должны были заботиться о куче безжизненного пепла?

Мертвый человек был мертв. Разве это не одно и то же, независимо от того, где был сброшен его прах?

Денег, которые потребовались бы для покупки участка на кладбище, было достаточно, чтобы позволить их нынешней семье прожить еще очень долгое время.

И так прошло пять лет. Мэн Шань время от времени думала о прахе матери. Хотя она и чувствовала себя виноватой, это всегда была поверхностная вина, легко забываемая после одной-двух партий в карты.

Но теперь Мэн Шань почувствовала страх.

Прямо перед ее глазами был этот коридор, усеянный жертвенными бумажными деньгами. Казалось, в этом длинном коридоре крематория присутствовал зловещий холод, из-за которого Мэн Шань чувствовала себя так, будто ее окружали жалобы матери на отсутствие у нее сыновней почтительности.

Но для того, чтобы проявить сыновнюю почтительность, необходимым условием были деньги.

Мэн Шань была бедной.

Сидя в вестибюле крематория, Мэн Шань вновь ощутила боль нищеты.

Она уже получила номер. После того, как будут названы еще два номера, настанет очередь ее отца войти в крематорий. Но только что кто-то заплатил, чтобы встать в очередь, чтобы его родственника кремировали в «благоприятное» время, поэтому Мэн Шань пришлось ждать, пока назовут еще один номер.

Люди всегда говорили, что все равны только в смерти, но в похоронном бюро стало очевидно, что люди не равны даже в смерти.

Богатые могли влезть в очередь, заплатив больше денег, но это не было похоже на влезание в очередь в жизни. В жизни влезание в очередь вызывало презрение, но здесь — это делало человека достойным восхищения.

Мэн Шань услышал, как кто-то в зале ожидания сказал:

— Эта семья заплатила на тридцать тысяч юаней больше. У них много денег.

Мэн Шань обняла пустую урну и устало закрыла глаза.

Старик, который всю жизнь был ей помехой, наконец умер. Он тихо скончался дома. После того, как Мэн Шань получила свидетельство о смерти от местной полиции, ей дали разрешение на его кремацию.

Много лет назад в полуразрушенном районе, где жила Мэн Шань, старшее поколение было очень щепетильно в отношении смертей. Всякий раз, когда кто-то умирал в районе, старейшины могли петь траурные песни в течение трех дней и ночей. Поскольку Мэн Шань была красива, и поскольку ее голос был неплох, ее зачислили в траурную группу, когда она была еще подростком. Более десяти лет после этого она пела эти траурные песни. Только когда городские правила изменились и начали запрещать эти шумные, разрушительные действия, траурная группа распалась. Однако Мэн Шань не знала, как делать что-то еще. Этот источник дохода был отрезан для нее, оставив ее в затруднительном положении.

Когда ее отец умер, она даже не организовала поминки. Никто не любил этого старика, поэтому никто не приходил предложить деньги в качестве прощального подарка. Она держала тело дома два дня, затем в два часа ночи текущего дня перевезла его в похоронное бюро.

Время от времени в зале ожидания раздавались звуки рыданий. В голове Мэн Шань царил беспорядок. Она хотела поторопиться и кремировать тело уже сейчас. Но она ждала и ждала, пока рассвет почти не наступил — а ее очередь все не подошла.

Слишком много богатых людей лезли без очереди.

Они не просто платили за то, чтобы проскочить очередь. Перед тем, как отправить тело своего покойника в крематорий, они также тратили тысячи юаней на фейерверки для отправки тела. И вот, тела скользили в крематорий под громкий треск этих фейерверков.

В девять утра Мэн Шань наконец услышала, как кто-то назвал ее номер.

Она потерла лицо, затем бесстрастно встала перед дверями крематория.

Тело ее отца уже было помещено на конвейерную ленту в крематорий. Это был торжественный момент, когда она могла сказать свое «последнее прощание».

Мэн Шань посмотрела на это старое лицо. Она только почувствовала, что ее тошнит от этого зрелища, и даже ее поклон был очень небрежным.

Человек, проводящий кремацию, вероятно, тоже посчитал это странным. «Последнее прощание» обычно включало большую группу людей, которые рыдали и плакали по усопшему. Некоторые люди так волновались, что их приходилось оттаскивать в сторону, чтобы не дать им поплакать над телами.

Согласно поверьям города Донгъе, душа будет жить долго, если тело будет запятнано слезами.

Но Мэн Шань была здесь одна и не проронила ни слезинки.

Сотрудник крематория спросил, не хочет ли она купить фейерверки.

Мэн Шань уже давно все это осточертело. Ее тон был недобрым, когда она сказала:

— Эти вещи стоят десятки тысяч юаней. Ты правда думаешь, что я выгляжу так, будто могу себе это позволить? Даже если ты просто занимаешься бизнесом, ты должен иметь представление об этих вещах. Я...

На середине предложения Мэн Шань внезапно остановилась.

Потому что этот крематор сильно отличался от крематора, который она себе представляла. Он оказался молодым, высоким и красивым мужчиной.

— Я... — Мэн Шань смущенно отвела взгляд и неловко сказала: — Поторопись и сожги его.

— Есть и дешевые церемониальные фейерверки, — объяснил крематор. — Самый распространенный тип — это пачка из двенадцати штук за девяносто юаней. Многие ее покупают. Это последнее прощание. Разве вы не хотите устроить своему отцу яркие проводы?

Девяносто юаней — не так уж дорого. Мэн Шань могла себе это позволить. Но она внезапно почувствовала вспышку ярости, заставившую ее закричать на крематора:

— Многие покупают это, так что мне придется это купить?! Вы, ребята, слишком хорошо наживаетесь на мертвецах!

Крематор нахмурился. Мэн Шань поняла, что потеряла самообладание. Она опустила голову и сказала:

— Извини, мне это не нужно.

Крематор кивнул:

— Тогда, пожалуйста, вернитесь в зону ожидания. Дверь откроется автоматически, как только кремация будет завершена.

Мэн Шань в оцепенении вернулся в зал ожидания, наблюдая за горем и тоской других людей, чувствуя себя хладнокровным животным без эмоций.

Через час Мэн Шань получила наполненную урну — ее только что передал ей крематор.

Она склонила голову и прошептала:

— Спасибо.

Крематор лишь коротко промычал, затем повернулся и жестом приказал своему помощнику положить на конвейер следующее тело.

Раздалась новая волна рыданий.

Мэн Шань ушла в спешке. Организация хранения праха в похоронном бюро заняла еще больше часа. К тому времени, как она смогла покинуть похоронное бюро Сиюэ, был уже полдень.

Она посмотрела на листок бумаги в своей руке, где говорилось, что ей нужно будет забрать урну в течение шести месяцев. Она скомкала этот листок бумаги в шарик, так же, как она скомкала ту бумажную банкноту ранее, перед рассветом.

Получить урну?

Забрать его обратно для захоронения?

Невозможно.

Она покачала головой с горькой улыбкой и подошла к мусорному ведру, бросив туда скомканную бумагу.

— Прощай, старик, — прошептала она. — Дело не в том, что я непочтительна. Просто у меня действительно нет денег, чтобы купить тебе могилу. Ты лучше всех знаешь, какую жизнь я веду. Не обижайся на меня, как моя мать. Вы, ребята, держитесь друг за друга, а в следующих жизнях подумайте о своей ситуации, прежде чем решите завести детей. Иначе, даже если у тебя будет ребенок, ты не сможешь его хорошо воспитать — он будет таким же, как я. Я не могу жить хорошей жизнью, поэтому не могу купить могилу, и вы оба не сможете даже быть похоронены в мире. Разве это не порочный круг? Я уйду сейчас. Не ищите меня.

Возле похоронного дома, вокруг квартала, была припаркована длинная вереница машин. Некоторые были роскошными машинами, стоившими миллионы юаней, а некоторые были простыми машинами, стоившими всего несколько десятков тысяч. Мэн Шань ехала в похоронное бюро в катафалке, который забрал тело. Катафалк отвезет ее только туда; он не отвезет ее обратно домой, поэтому ей придется ехать на автобусе.

К счастью, она жила не так уж далеко. Она могла добраться до дома всего за четыре остановки на автобусе.

Улица Гуандань была очень старой. В этом районе можно было увидеть множество цветочных венков. Из-за близости к похоронному бюро многие люди, живущие на улице Гуандань, занимались похоронным бизнесом. Некоторые разбогатели и купили роскошные дома в самом центре города, но все равно обычно жили тут, чтобы продолжать продавать цветочные венки и жертвенные деньги.

Мэн Шань раньше чувствовал, что эта улица полна энергии инь. С весны до ранней осени было немного лучше, но поздней осенью и зимой, когда белый свет уличных фонарей освещал местность, дорога ничем не отличалась от тропы в загробную жизнь.

Ее дом находился в самом дальнем переулке улицы Гуандань.

— Малышка Мэн, ты вернулась? — Женщина лет пятидесяти высунула половину тела из двери.
— Ты все сделала?

Мэн Шань вежливо улыбнулась:

— Да, спасибо.

— Мы все соседи, за что меня благодарить? — Женщина вытерла руки о фартук. — Насчет этого...

Не дожидаясь, пока женщина закончит говорить, Мэн Шань достала свой мобильный телефон:

— Всего 1130 юаней? Я переведу вам.

Женщина просияла, все ее морщины стали глубже от улыбки:

— Хорошо, хорошо. Переводи.

Хотя Мэн Шань не устраивала поминки по отцу, некоторые расходы были неизбежны. Мэн Шань не хотела тратить время на организацию всего, поэтому она наняла соседку, которая предложила «универсальный» похоронный пакет — за 1130 юаней, что уже было самой низкой

ценой.

Заплатив, Мэн Шань наконец почувствовала, что теперь она действительно одна. Она больше не имела никакой связи с матерью и отцом.

Она постояла на обочине дороги некоторое время, чувствуя голод. Только когда она задумалась, то поняла, что не ела больше десяти часов.

Улица была заполнена небольшими ресторанами, большинство из которых были переоборудованы из жилых домов. В этих заведениях использовали некачественное мясо и овощи, а масло всегда использовалось снова и снова. Но коробка риса или жареной лапши стоила всего около десяти юаней или около того. Целевыми клиентами были люди, которые жили и работали в этом районе. Эти люди не были особенно искушенными, поэтому у них было только два требования к еде — она должна была быть жирной и дешевой.

Отец Мэн Шань всегда покупал эти коробочные блюда, но Мэн Шань считала их отвратительными. Каждый раз, когда она видела, как он ест эти блюда, она не могла устоять перед желанием поспорить с ним. Теперь, когда этот человек умер, Мэн Шань чувствовала тошноту, как только чувствовала знакомые запахи, исходящие из тех ресторанов.

Лучше пойти на рынок, купить ингредиенты и приготовить дома.

С этой мыслью Мэн Шань повернулась и пошла в противоположном направлении.

На этой улице было довольно много небольших фруктовых и овощных лавок. Но Мэн Шань всегда ходила на овощной рынок в километре отсюда, потому что она считала, что даже продукты, продаваемые на этой улице, были испорчены энергией инь. Те, кто ел слишком много овощей, испорченных энергией инь, страдали от странных болезней.

Был полдень, но температура уже несколько дней падала, и небо было серым, как лицо мертвеца.

Мэн Шань быстро направилась к овощному рынку, который был самым популярным местом в этом районе.

«Красная пыль в Цзянху» была по-настоящему популярной драмой. Даже на овощном рынке играла музыкальная тема из этого сериала. Мэн Шань еще не смотрела его. Перед тем, как уйти в отпуск в связи с утратой, она слышала, как ее коллеги-женщины говорили о персонажах, поэтому она знала, что есть актер по имени «Ху Ин», который в настоящее время чрезвычайно популярен.

Купив достаточно еды для одного человека, Мэн Шань решила пойти домой и наверстать упущенное. У нее было несколько дней отпуска по случаю утраты, и больше ей делать было

нечего.

В первую ночь после кремации отца Мэн Шань до полуночи смотрела телесериал. Когда она встала, чтобы сходить в туалет, она внезапно почувствовала панику.

Это было очень жуткое, пугающее ощущение, словно за ней наблюдала пара глаз из скрытого места, откуда она не могла их видеть.

Она поспешно обернулась, со страхом осматриваясь вокруг.

Дом, в котором она жила, был очень старым. Это был дом, в который переехали ее родители после свадьбы. Стены не красились годами. Они были испещрены желтыми и черными пятнами. Эти пятна просто выглядели грязными днем, но ночью казалось, что за стеной что-то прячется, приближаясь все ближе и ближе... как будто это что-то могло вырваться из стен в любой момент!

Мэн Шань вздрогнула и снова пошла к двери, чтобы убедиться, что она заперта. Это действие она повторила уже более трех раз с тех пор, как вернулась домой.

Когда она проходила мимо гостиной, ее грудь необъяснимым образом напряглась без всякого предупреждения.

Днем ранее на том месте, где она сейчас стояла, лежало тело ее отца.

В комнате было тихо, но тишина, казалось, приняла телесную форму. Это было похоже на то, как будто призрак приближался все ближе и ближе. Мэн Шань посмотрела на занавески, которые развевались на ветру, дующем через сквозняк. Когда занавески широко раздвинулись, она внезапно увидела лицо, расколотое злой улыбкой.

— Ах!

Она закричала, ее ноги ослабели, и она упала на землю.

Ветер стих, и шторы снова опустились.

Мэн Шань дрожала в холодном поту. Она не знала, сколько времени прошло, прежде чем ей удалось встать на трясущиеся ноги и медленно подойти до окна.

Она жила на шестом этаже. Было невозможно, чтобы кто-то находился снаружи.

Дрожащими пальцами она схватилась за шторы и с грохотом отдернула их. Перед ее глазами

была только чернота, а за ней — неосвященное здание на другой стороне улицы.

Неистово колотящееся сердце Мэн Шань наконец-то начало успокаиваться. Она села на край кровати. Она хотела продолжить смотреть драму, но страх навис над ней, как тень. Интригующий сюжет больше не мог удерживать ее внимание.

Люди в похоронной индустрии не брали выходных во время национальных праздников. Их рабочие графики не знали разницы между днем и ночью. Они были везде, где была смерть.

Зима была самым загруженным сезоном для похоронного бизнеса.

При смене времен года легко заболеть. Хотя сейчас в больших городах не существует такого понятия, как «замерзнуть насмерть», на самом деле многие пожилые люди умирают зимой из-за ряда болезней, вызванных холодом.

Это была настолько распространенная тенденция, что породила народную поговорку: если старик переживет зиму, он проживет на год дольше.

Ван Хунъин зевнула во время вождения. Всего за одну ночь она уже совершила восемь поездок в похоронное бюро Сиюэ. Это была работа, которую должен был делать ее сын. Некоторое время назад, когда кто-то из семьи Мэн умер, именно ее сын перевез останки в похоронное бюро. Девушка Мэн заплатила ей в итоге всего лишь чуть больше тысячи юаней. Если бы они не были соседями в одном здании так долго, Ван Хунъин не стала бы утруждать себя такой незначительной работой.

Деньги трудно заработать, а дерьмо трудно есть. Ван Хунъин выругалась в глубине души, но ей все равно пришлось пойти в следующий дом, чтобы забрать тело.

Ее сын позавчера попал в больницу на аппендэктомии. Больше месяца ей, матери, придется перевозить тела посреди ночи.

Проработав больше половины своей жизни со смертью, Ван Хунъин ни капельки не боялась мертвых тел. Ее машину переделали в катафалк, предназначенный для перевозки останков. Задняя часть была совершенно пустой, оставленной открытой специально для погрузки покойников.

Прямо сейчас сзади лежало мертвое тело. Еще один старик — все, кого она сегодня перевозила, были стариками.

Первоначально сын старика должен был сидеть на пассажирском сиденье, чтобы призрак старика последовал за телом.

Но дети и внуки этой семьи были бессердечны и считали, что им не повезет, если они окажутся в машине, перевозившей тело, поэтому они попросили ее отвезти тело в похоронное бюро одну, а они уехали на своей машине.

Ван Хунъин ненавидела таких людей. Она взглянула в зеркало заднего вида, а потом так испугалась, что нажала на тормоза.

Когда машина остановилась, она в панике оглянулась. Позади нее не было ничего, кроме тела.

Но только что, глядя в зеркало заднего вида, она была уверена, что увидела там незнакомца.

— У меня снова ухудшилось зрение... — Ван Хунъин энергично потерла лицо и сделала глоток горячего чая.

Для тех, кто занимается таким же бизнесом, как и они, свойственно видеть кого-то позади себя в зеркале заднего вида. Это не сверхъестественное событие, а галлюцинация, вызванная длительной усталостью и напряжением.

Ван Хунъин уже сталкивалась с подобными ситуациями.

Снова выехав на дорогу, она проверила свой блокнот и увидела, что после этой поездки ей нужно посетить еще три дома. Но после такого испуга она знала, что может столкнуться с серьезными проблемами, если продолжит водить машину. У нее не было выбора, кроме как позвонить коллеге, которая работала в той же сфере, тем самым отдав последние три работы. Закончив эту поездку, она намеревалась вернуться домой и немного поспать.

На рассвете Ван Хунъин уехала из похоронного бюро на пустой машине. На самом деле в четырех остановках от похоронного бюро до улицы Гуандань идет небольшая дорога, о которой знают только те, кто живет поблизости.

Ван Хунъин повернула и срезала путь по этой узкой улочке. Ее разум становился все тяжелее и тяжелее, когда она внезапно увидела выбегающую сбоку дику собаку с чем-то во рту.

Из-за усталости реакция Ван Хунъин и без того была очень медленной. Она совершенно не была к этому готова. Она могла только дернуть руль и врезаться в мусорные баки сбоку, перед собой.

Бах!

Все контейнеры были опрокинуты, и мусор был разбросан повсюду.

Мусорные баки в этом переулке были невероятно грязными. Ван Хунъин устала на мусор,

засоряющий капот и лобовое стекло ее машины, совершенно ошеломленная. Больше всего ее потрясло то, что в самом дальнем от нее мусорном баке... казалось, был человек!

Как в мусорном баке мог оказаться человек?

Мусорный бак был опрокинут набок. Изнутри торчали две человеческие ноги, казалось, они пытались выбраться наружу.

Ван Хунъин мгновенно поняла, что это, вероятно, бездомный, роющийся в мусорных баках в поисках еды. Собака, которая только что пробежала мимо... разве у нее не было еды во рту?

— Я же никого не сбила и не убила, правда? — Ван Хунъин была встревожена и напугана. Увидев, что вокруг никого нет, она хотела уехать. Но потом снова передумала и посмотрела на беспорядок вокруг. Она была уверена, что у полиции найдется способ выяснить, что именно ее машина кого-то сбила. Если она сейчас сбежит, это будет отягчающим обстоятельством!

— Какая неудача! — воскликнула Ван Хунъин. Она села в машину и долго думала. Когда она наконец увидела, что ноги, торчащие из мусорного бака, перестали двигаться, ей становилось все страшнее. В конце концов, она собрала свои нервы и осторожно вышла из машины, двигаясь к мусорному баку.

— Ты... ты в порядке? — Ван Хунъин присела на корточки у мусорного бака и слегка потрясла человека за икру.

Человек в мусорном баке совершенно не реагировал.

— О, боже! Ты действительно мертв!

Ван Хунъин полностью потеряла рассудок. Она долго плакала, прежде чем наконец достала свой мобильный телефон, чтобы позвонить в полицию.

— Алло? Полиция? Я... я только что сбила и убила человека... но я не хотела, это было не специально. Вы... вы придете посмотреть?

Бюро уголовных расследований, Отдел тяжких преступлений.

— Участок округа Бэй только что принял дело. Кто-то нашел женский труп в мусорном баке на переулке Фэншуй, — сообщил И Фэй, положив перед Минг Шу планшет. — Взгляни.

Появление трупа в мусорном баке было обычным явлением, которое обычно решалось участком, где произошло дело. Но сейчас был конец года. В конце каждого года все полицейские подвергались большому давлению. Действующие правила гласили, что все случаи убийств из участков должны были быть сообщены в Бюро уголовных расследований, где Отдел по тяжким преступлениям имел бы полномочия и власть расследовать их все.

— Женский труп? — Минг Шу взял планшет и открыл изображение.

— Следователи уже осмотрели место происшествия. Сообщившей о теле в полицию оказалась женщина средних лет. Она утверждала, что мимо ее машины пробежала собака, из-за чего она вильнула и врезалась в мусорные баки. Именно тогда она обнаружила внутри тело. Она подумала, что сбила кого-то и убила его, — сказал И Фэй. — В настоящее время личность жертвы еще не установлена. В ходе предварительного расследования судмедэксперты установили, что у жертвы был перелом затылка от удара тупым предметом — это, скорее всего, и стало причиной смерти. У пробежавшей мимо собаки, о которой упомянула звонившая, во рту не было выброшенной еды. У нее был кусок мяса из трупа. Бродячие собаки начали грызть тело, что привело к многочисленным травмам, которые затрудняют изучение тела.

Мин Шу быстро пролистал фотографии на планшете.

Фотографии из округа Бэй были очень подробными. Тело было одето в темно-синие джинсы. Обувь жертвы уже где-то свалилась. На верхней части тела она носила тонкий бледно-желтый свитер, который был запятнан кровью.

Поскольку никакая одежда не прикрывала эти части ее тела, ноги, руки, шея и лицо жертвы были сильно поцарапаны и изжеваны. Опознать ее по лицу было невозможно.

Минг Шу максимально приблизил лицо жертвы:

— Мы уверены, что все эти раны были нанесены бродячими собаками?

И Фэй покачал головой:

— Участок еще не закончил полное вскрытие. Думаешь, некоторые из них мог нанести другой человек?

Минг Шу встал:

— Я не видел тела, поэтому не могу сделать этот вывод. Пойдем. Посмотрим и узнаем.